

Литература и власть в новом веке: институции и расколы

Наталья Иванова*

* Наталья Иванова, литературный и арт-критик, публицист, историк русской литературы. Президент Академии русской современной критики (1998-2000), учредитель, координатор и член жюри нескольких литературных премий. Доктор филологических наук, профессор кафедры теории литературы филологического факультета Московского университета имени Ломоносова. 1-й зам. главного редактора литературного журнала “Знамя”. Автор книг, статей, эссе о современной русской словесности, автор документальных сериалов о жизни и творчестве русских писателей-нобелиатов Ивана Бунина и Бориса Пастернака, а также Анны Ахматовой, Варлама Шаламова и других. Лауреат Царскосельской художественной премии. Среди книг Натальи Ивановой – монографии “Проза Юрия Трифонова”, “Смех против страха, или Фазиль Искандер”, “Борис Пастернак. Времена жизни”, а также сборники “Ностальгическое”, “Русская литература при переходе через век”, “Невеста Букера”, “Русский крест”, “Такова литературная жизнь”. Соавтор проекта “Ваш XX век” в Новой Третьяковской галерее – составитель устной “Антологии русского рассказа”. Составитель и редактор сборника эссе кавказских писателей “Кавказ в поисках мира”. Читала лекции в университетах Швейцарии, Франции, Испании, Японии, США и других стран. Живет и работает в Москве.

Последний период, когда власть литературы над умами была сверхмощной и успешно соревновалась с властью власти, — это период так называемой «перестройки и гласности». Этот период характеризовался невероятным взлетом тиражей книг и особенно журналов (2500000 у «Нового мира», 1800000 у «Дружбы народов», 1000000 у «Знамени», аналогичные показатели у других периодических изданий). Еще один показатель, уже конкретно для писателей как фигур особого общественного значения — это особый депутатский статус. Выборы депутатов были прямые, открытые и честные — и писатели на них побеждали: Евг. Евтушенко, В. Коротич, Ф. Искандер, С.С. Аверинцев, Б. Олейник и др. Показатель — и влияние литературной критики, не всегда профессиональной. Неожиданную и невиданную ранее читательскую популярность обрела рецензия Г. Попова (1896) в журнале «Наука и жизнь» на роман Александра Бека «Новое назначение» (об административно-командной системе).

На этом «перестроечном» взлете побеждала реальная критика, одной из задач которой стало введение читателя в социально-исторический контекст публикуемых произведений (ранее запретных, запрещенных), в период их активной публикации, связанный и с отменой цензуры в 1990 г.

Затем ранее «запретные» архивы исчерпываются, публикации идут на спад, сокращаются тиражи — и, соответственно власть литературы, которая оказалась во многом призрачной. Литература постепенно вернулась к самой себе, к собственно литературным задачам, а критика от сверхзадачи просвещения и общественной пользы обратилась к своей непосредственно эстетической функции. Недаром первая независимая премия критиков, учрежденная в новой России, была названа именем критика XIX века Аполлона Григорьева — в своей позиции «органической критики» (эстетического анализа) противостоявшего критикам значительной общественной цели и задачи.

С 90-х происходит новый раздел русской литературы — и, соответственно, раздел ее влияния на общество, на читателей. Читательские таргет-группы дробятся. Возникают среди прочих проектов новые, небывалые для России литературные институции.

Здесь я хочу упомянуть два важнейших новых русских слова, активно вошедших в тот период в словарь литературных кругов: «Сорос» и «Букер». Оба слова (имени, наименования) пришли в Россию с Запада и оба обозначили важнейшие для литературы институции: среди прочих проектов «Сорос» (фонд Сороса, Институт «Открытое общество») — поддержку периодические литературных изданий; «Букер» («Русский Букер») — независимую от государства и власти премию, поддержку русского романа. Премия Аполлона Григорьева тоже была независимой от государства — ее спонсором был ОНЭКСИМ-банк (новые русские миллиардеры Михаил Прохоров и Владимир Потанин).

* * *

Если говорить о такой литературной институции как «толстые литературные журналы», то они на протяжении четверти века показали содержательную стабильность (можно даже ее назвать содержательным консерватизмом);

приспособляемость к новым условиям — в отличие от подписчиков, которые их неуклонно покидали. Что я имею в виду под *стабильностью*? Прежде всего — литературную составляющую, но также и идеологическую. Во времена *перестройки и гласности* журналы резко разделились, размежевались по позициям, — зашкаливающая по темпераменту взаимных обвинений (переходящих в личные оскорбления) полемика между «патриотами» и «демократами» получила наименование «гражданской войны в литературе»; воинственное разделение с покушением на личности было поименовано «баррикадным мышлением». Война между периодическими изданиями условно «патриотического» («Наш современник», «Молодая гвардия», «Литературная газета», «Литературная Россия») и условно «либерального» лагерей, критика вынужденно прибегла к военно-фронтной лексике, в принципе ничем, кроме капсулирования и изоляции друг от друга, не завершилась. Противоборствующие стороны с позициями (почти неизменными) не то, что примирились — они перестали друг друга замечать. Poleмика самоисчерпалась — ко взаимно-обвинительным аргументам мало кто прислушивался. Если проанализировать частотность взаимных упоминаний и ссылок, то они уже к началу 90-х упали практически до нуля. Каждое издание осталось при своем понимании — и патриотизма, и консерватизма, и либерализма. Но сами эти сущности подверглись определенным историческим изменениям — с годами острота позиционных противопоставлений затупилась. Важную роль в смягчении полемики, направленной в прошлом на взаимное уничтожение, сыграло появление и укрепление буферной, назовем ее так, группы литераторов, объединившихся вокруг «яснополянской» премии (существует с 2003 года).

Это уже была внежурнальная группа, или скорее поверх-журнальная, образовавшаяся рядом с новой институцией. Это вообще стало новым трендом: притяжение литераторов к определенному премиальному сюжету, обладающему не только своей идеологией, но и подкрепленному значительными средствами. Можно воочию наблюдать, как эта групповая многозначительность, в дальнейшем называемая *тусовкой*, придает особое выражение лицам участников. И не только лицам. Участники добровольно заняты и в определенных ритуалах — своеобразных *клятвах верности*. Литераторы, в нее входящие, никаким членством связаны не были. Но они были и остаются связаны больше, чем членством — единством. Например, перед проводимой в Москве Олимпиадой все члены «яснополянского кружка», одетые в специальные спортивные костюмы и шапочки с олимпийской символикой и эмблемой «Russia», участвовали в забеге с олимпийским факелом по Яснополянской территории.

* * *

Раскол в августе 1991 года Союза писателей СССР, крупнейшей литературной институции, выявил реальное распадение писательского сообщества, продемонстрировав два его крыла — условно патриотическое и условно демократическое (Письмо писателей России, 1990). Далее посредством деления в центре образовалось еще несколько: «Апрель» (неформальная демократическая ассоциация писателей Москвы), Союз писателей России, Союз российских писателей, Союз писателей Москвы, Союз московских писателей. По тому же сценарию раскололись союзы писателей в республиках РФ и в областных организациях.

Воспринято самими писателями это было по-разному — от энтузиазма (Анатолий Приставкин, Алла Гербер) до уныния. Лев Аннинский: «Я был наивен...

Что писатели из республик развалят общий Союз, это еще можно было предположить. Но что в самой Москве писатели развалят собственную организацию, — такое безумство мне и в голову не приходило» (Анненский, 1999). Что — последовало? Прочитую еще раз Аннинского: «...Доносятся издали звуки дележки между “союзами писателей”». Делили имущество. Собственность. Союза (союзов) писателей — и, главное, Литературного фонда (дочерняя организация СП, реально распоряжавшаяся этим немаленьким имуществом; пансионаты, т.е. Дома творчества Ялта, Коктебель — в Крыму, Комарово — под Ленинградом, Малеевка и Переделкино — под Москвой; детские сады, поликлиники, больницы, дачи и т.д. Писатели сами шутили, что в борьбе писателей-демократов и писателей-патриотов победила коммерция — коммерческая (массовая) словесность, “феномен лотка” (Роман Арбитман). Если говорить о *компромиссе*, то путь к нему был не идеологическим, а экономически вынужденным — между гордо метущимся артхаусом и застенчиво инкорпорируемым массолитом.

Начиная с 1990–1991 гг. было создано несколько десятков писательских организаций, некоторые выжили и существуют по сей день, — мотивом для существования чаще всего является статус и положение руководителей. Назову некоторые из них:

- Академия зауми (Тамбов, авангардные формы и-ва);
- Академия поэзии (с 1998 г. — «общественное объединение духовного движения российских народов»);
- Академия российской словесности (с 1996 г., почетный президент на 2009 г. — митрополит, затем патриарх Кирилл);
- Академия русской современной словесности;
- Антиподы (Австралия);
- Апрель (создана в апреле 1990 г., в 2008 г. деятельность прекращена);
- Ассоциация русских писателей республики Молдова;
- Вавилон (с 1989 г.);
- Конгресс литераторов Украины (альтернативный Национальному Союзу писателей Украины); на правах коллективного членства в КЛУ входит Южнорусский Союз писателей (Одесса);
- Крымская литературная академия (ноябрь 2005 г., Симферополь);
- Международная ассоциация писателей и публицистов (Рига, позже Лондон);
- Международная Федерация русских писателей (учреждена в 2005 г. в Мюнхене);
- Международная Федерация русскоязычных писателей (штаб-квартира в Будапеште);
- Международное сообщество писательских союзов (создано как правопреемник СП СССР 14 мая 1992 г.)

Процессы раздела, размежевания, расхождения, даже раскола в среде интеллектуалов и творческой интеллигенции усилились после Крыма и Донбасса (2014). Появились новые слова-мемы, обозначающие принципиальные позиции: *крымнаш* (и соответственно *крымнашест*) и *крымнаш*. Раздел прошел по многим культурным институциям, придя на смену расколам и размежеваниям, четко обозначившим определенные события:

- 1993 — «расстрел» парламента, «Белого дома»;
- 1994 — первая чеченская война;
- 1996 — выборы президента;
- 1998 — вторая чеченская война;
- 2001 — выборы В.В. Путина.

С 2012 года процесс реставрации выходит на поверхность. На самом деле этот процесс (процессы) шли подспудно еще с 1994 года. Причем активное участие в них принимала не только консервативно настроенная группа, упорно разворачивающая историю вспять при помощи восстановления советского дискурса, но и активная либеральная часть интеллектуалов, постмодернистски эксплуатирующая этот дискурс. Собственно массовому потребителю было абсолютно безразлично, всерьез или в насмешку, как бы пародийно, восстанавливается советский дискурс — через риторику, массовую песню, советский кинематограф, художественные выставки и т.д. (перечислять можно и телепроекты, погружающие телезрителя в советское время).

* * *

Среда — слово, обозначающее нечто совсем нежесткое, с проникающими границами, подверженное влияниям, медузообразное, колышющееся, — хотя и состоящее из совершенно определенной материи: материя всегда одна и та же, но форма может быть подвержена изменениям.

Раскол — слово, наоборот, обозначающее резкое размежевание, жесткое разделение. Где раскол — там топор, разрубающий (в лучшем случае) деревянную колоду.

Речь о расколе среды.

История русской интеллигенции — это история ее расколов, начиная с раскола на западников и славянофилов и заканчивая самыми последними событиями и их оценкой.

Раскол в творческой среде и в творческих организациях, в культурных институтах России, начался фактически еще до явных признаков контр-перестройки, — еще до начала «сроков Путина», то есть с 90-х гг. XX века.

Каждый раз уже в постсоветское время раскол происходил по идеологическим причинам: говоря огрублено, между государственным, вернее огосударствленным «патриотизмом» и свободным обществом, свободной личностью. Заглянем вглубь русской словесности — матрицей будущих конфликтов и расколов Пушкин сделал поэму, петербургская повесть «Медный всадник».

Всякий раз это был спор о выборе пути для России. К нашим дням расхождение закрепилось формулами «Суверенная демократия», «Особый путь» и «Осажденная крепость».

Процесс *раскола*, во время «перестройки» и сразу после означенный именами Горбачева и Ельцина, пошел внутрь так называемой либеральной интеллигенции. Напомню, что оценка «Преображенской революции» (19–21 августа 1991 г.) была

разной — со стороны новомирцев-солженицынцев, либеральных консерваторов (например, Ирины Роднянской) и демократов (редакции «Московских новостей», «Эха Москвы», «Знамени») (см. Тольц, 2006).

В октябре 1993 года после событий 3–4 октября произошел следующий раскол — от либералов (часто теперь называемых «так называемыми») откололась часть, поддерживавшая противников президента, избравшая формулу для случившегося — «расстрел Белого дома» («расстрел парламента»). Александр Проханов, писатель, был автором «Слова к народу» (опубликовано в газете «Советская Россия» накануне событий); писатели «за политику Ельцина» подписали знаменитое «Письмо 42-х», объявленное «кровожадным» писателями-сторонниками Руцкого, Хасбулатова, генерала Макашова.

Следующим был раскол писателей по отношению к военным действиям в Чечне (1994 год). С открытым антивоенным письмом в «Известия» обратился писатель-фронтовик Григорий Бакланов, его поступку наследовали писатели-военные корреспонденты нового поколения (Аркадий Бабченко).

Остров либералов сжимался, терял территорию. Остров консерваторов («патриотов») увеличивался — в том числе за счет притока новых сил из бывших либералов (либерал-ренегатов). После возвращения Александра Солженицына в Россию его консервативная позиция подкрепляла позиции «патриотов».

В дискуссионном «заочном» круглом столе в журнале «Знамя» (2002, № 1) эту тему обсудили бывшие единомышленники — Александр Агеев, Рената Гальцева, Денис Драгунский, Людмила Сараскина (Раскол в либералах, 2002). Наступало новое время — время президента Путина: «Сейчас в среде либеральной интеллигенции зреет, похоже, новый раскол. Различные и нередко диаметрально противоположные оценки личности и деятельности президента Путина, хода и задач военных действий в Чечне, «гуманитарных» бомбардировок Сербии и Ирака, <...> конфликта вокруг НТВ <...> становятся своего рода идентификационными текстами, пунктами размежевания для бывших единомышленников...» Главный пункт спора — о «нынешней государственности» и личности, для которой государство... остается основной угрозой свободе и гражданским правам человека».

Литературный критик Александр Агеев отрицает понятие «раскол» — он сравнивает эту среду с текучей массой, с «кучей песка», поскольку реакция каждого по отношению к ценностям (консервативным или либеральным) может быть многосоставной, — не реакция, а реакции: какой-то условный либерал, например, ценит свободу и независимость, но гневно отвергает масскульт и не любит геев. Философ Рената Гальцева подчеркивает, что в расколе «на либеральную и патриотическую» есть «страшные» представители обеих сторон (например, либералы, наследующие «ревдемократам», обличающие «государственность» государственники по статусу — Юрий Афанасьев, ректор РГГУ; либералы ельцинского круга, не позволившие «декоммунизировать страну» и т.д.). По Гальцевой, эти либералы — не либералы, а «анархисты, радикалы, переворотчики основ бытия».

Писатель Денис Драгунский полагает, что в «вечных расколах» и «родовой нелюбви к властям» повинно именно государство, и заканчивает свое высказывание лозунгом «За нами Герцен, в конце концов!» — совсем не однозначным для Гальцевой.

Бывшая яркая либералка Людмила Сараскина (в ближайшем по отношению к дискуссии будущем — агиограф Солженицына) отделяет себя от либералов, пафосно обличает «либеральную партию» и первой (в этой же дискуссии) определяет новые стандарты: «Президент же Путин в первый год своего президентства внятно заявил о существовании у России своих национальных интересов...», и теперь у бывшей либералки расправляется сердце, давно сжатое от позора и унижения, выпавших стране». Сараскина предъявляет «либералам» счет: от Белграда до Хиросимы.

После избрания Путина президентом (на него, кстати, «поставили» *либералы-государственники*, либерал-консерваторы) начались новые расколы в культурных организациях и творческих средах: писательской, кинематографической, театральной.

Знаменательно, что эти расколы носили одновременно с политическим и эстетический характер.

И с новой силой расхождения, расколы прозвучали в крымско-украинской ситуации. Причем провокацией раскола были не только аннексия Крыма, поддержка ДНР — ЛНР, идеи «Новороссии», — но и организованная акция: официально опубликованное в газете «Известия» 11 марта 2014 года «Коллективное обращение к российской общественности деятелей культуры России в поддержку позиции Президента по Украине и Крыму» (Коллективное обращение, 2014). В первоначальных подписях среди 85 — имена Олега Табакова, Владимира Спивакова, Станислава Говорухина, А. Учителя, Павла Лунгина, Валерия Фокина, Николая Цискаридзе, Карена Шахназарова обнаруживаем только двух писателей — поэта и критика Дмитрия Бака (представленного в качестве директора ГЛМ) и Алексея Константинова (автора «Бандитского Петербурга»). К открытому списку подписей (позднее расширившимся до 511 человек) присоединились литературный критик В.Я. Курбатов и писатель (в подписи — *драматург*) Юрий Поляков, тогда главный редактор «Литературной газеты» (сейчас — Президент редакционного совета). Из любопытного: Владимир Гергиев на гастролях в США дезавуировал свою подпись. Получается, что в процентном отношении число писателей 0,5%. В своем блоге Рустам Абдуллин (республика Марий Эл) разместил альтернативный «Список российских деятелей культуры, которые против политики Путина в Крыму!!! Люди совести и чести» (13.03.2014). И там — писателей несравненно больше: Людмила Улицкая, Гандлевский, Г. Чхартишвили — Б. Акунин, В. Долина, А. Архангельский, Б. Дубин, Н. Иванова, М. Чудакова, Л. Рубинштейн, С. Пархоменко, А. Илличевский, О. Кучкина, Е. Сидоров, С. Стратановский, Н. Катерли, Н. Соколовская, Е. Чижова, Е. Ермолин, М. Степанова, Г. Морев, И. Кукулин, М. Рыбакова, Н. Громова, М. Липовецкий, К. Азадовский, М. Яснов, Е. Солонович, Д. Драгунский и многие другие.

Из гневных комментариев: «Наши культурные деятели проявили свою «культурность» перед Западом» (некто Валерий), «Путин это гордость России, а это список жалких ублюдков» (Эллина), «Это пятая колонна в России» (Николай).

Тем не менее, подписи под письмом, условно говоря, консолидировали оппонентов и выполнили своего рода организаторскую функцию. Оппоненты тоже ощутили себя средой. Это проявилось в нескольких событиях, зафиксировавших расхождение как раскол.

Но прежде литераторов поговорим о других творческих союзах, — например, о Союзе кинематографистов.

Еще в 2010 году получил государственную регистрацию *Киносоюз* — организация, оппозиционная по отношению к Союзу кинематографистов. Председателем Киносоюза по решению учредителей был избран режиссер Борис Хлебников. (В СК председатель — Никита Михалков, фактически отнявший место у избранного большинством Марлена Хуциева.)

В первых после образования и регистрации Киносоюза интервью режиссера Алексея Германа-младшего точкой «расхождения» кинопроизводство, киноиндустрия. «Борьба вокруг СК происходит из-за того, что монополия на контакт с властью, определяющей жизнь индустрии, принадлежит одному человеку», Никите Михалкову. «Нельзя рассматривать Киносоюз в отрыве от бытия государства» («Новая», № 106, 24 сентября 2010 г.). Герману-младшему предъявляют обвинение в *расколе* — он, напротив, утверждает, что задача Киносоюза — *консолидация, интеграция* кинематографистов; а «отношения с властью будут выстраиваться как партнерские».

Аналогичный кинематографическому раскол произошел в театральной среде — вокруг премии «Золотая маска». Чиновник из Министерства культуры (это был замминистра культуры Владимир Аристархов) обвинил фестиваль «в нарушении нравственных норм и русофобии» (Минкультуры, 2015 г.). Не могу удержаться, чтобы не привести еще одно весьма выразительное высказывание Аристархова: «Когда классика сводится к грубым инстинктам, когда под флагом права на интерпретацию мы видим не классику, не Пушкина, Гоголя и наших других великих драматургов, мы видим, ... что под маской, под «Золотой маской» классика протаскивают чуждые нам ценности» («Русофобия в театре или свобода творчества?» — РИА Новости, 28.05.2015).

В открытом письме, подписанном президентом фестиваля Георгием Тараторкиным, лауреатом «Золотой маски» К. Райкиным и членом жюри премии Игорем Костолевским, подчеркивается, что «Золотая маска» — независимая награда за театральные достижения. (Премия была учреждена в 1993 году СТД России и вручается спектаклям всех жанров. Скандал разгорелся вокруг (и раскол — после) состава экспертного совета премии и вокруг предложения Минкультуры возродить предпоказ отбираемых на фестиваль спектаклей — «худсоветы», т.е. цензуру.)

Актуальным этот спор между чиновниками и деятелями театра стал после запрета постановки оперы «Тангейзер» в Новосибирском театре оперы и балета (режиссер — 24-летний Тимофей Кулябин). Директор театра Борис Мездрич был уволен министром культуры Владимиром Медынским, который при этом лицемерно заявил, что «свобода творчества не ставится под сомнение».

Молодых режиссеров-нонконформистов (в частности, Константина Богомолова, автора скандальных «Братьев Карамазовых» и «Идеального мужа» в МХТ, спектакля «Князь» (по «Идиоту») взял под защиту Олег Табаков, но не всегда поддержка «старшего» поколения помогала и помогает выстоять и самоосуществиться новым авангардным режиссерам и художникам-нонконформистам. Знаменательно, что сам Олег Табаков подписался за *#крымнаш*, что не помешало ему защищать режиссеров совсем иной идеологической ориентации (из крупных режиссеров-*крымнашистов*

упомяну еще Валерия Фокина). В защиту арестованных театральных деятелей Кирилла Серебренникова, Алексея Малобродского, Софьи Аперельбаум выступила директор официальной театральной премии «Золотая маска», Мария Ревякина, и за ней на транслируемой по государственному телевидению церемонии последовали многие из выступавших артистов (включая Аллу Демидову) и театральных режиссеров (включая Льва Додина).

«Золотая маска» пошла на компромисс с Министерством культуры в 2016 году, когда нелегко, с боями, но согласилась на изменения в составе экспертов, включение минкультовских кандидатур, — но в результате все-таки сохранив и себя как институцию, и свою общественную позицию, и свою репутацию независимой и главной театральной премии.

Что касается сообщества писателей, конкретно институции, называемой «Русский ПЕН-центр», то там за расколом, начавшийся с исключения Сергея Пархоменко, последовал обвал заявлений о выходе из состава.

Хронику под названием «Утрата ПЕН-Клуба» разместил в фейсбуке Лев Тимофеев, в советском прошлом — правозащитник.

«Поскольку принимать участие в нынешней деятельности Русского ПЕНа мне стало не интересно, а порой и просто стыдно, я решил уйти». В сентябре на своем сайте Лев Тимофеев опубликовал (2014), посвященную кризису в организации. В ней он писал: «Здесь будет документальный отчет о моих попытках (в основном только о моих, хотя, знаю, и другие пытались) сохранить в России эффективно работающий ПЕН-Клуб — о попытках, как понятно с первых же строк, успехом не увенчавшихся... Ну, и попутно, конечно, будут (не специально, не намеренно — именно попутно) объективированы некоторые особенности миропонимания той социальной страты, которую принято называть «писательской общественностью» — той ее части, тех литературных персон, которые вполне по доброй воле вступили в ПЕН-Клуб — у нас он называется Русский ПЕН-Центр...»

ПЕН-центр покинула бывший вице-президент организации Людмила Улицкая, заочно подвергнутая резкой критике на общем собрании в декабре 2014 года и обвиненная в попытке «рейдерского захвата» организации. Во всяком случае из списка членов организации, опубликованного на официальном сайте (ПЕН-центр, 2015) ее имя было исключено. В открытом письме в январе 2015 года Улицкая заявила следующее:

«Я отдаю себе отчет в том, что возникший в ПЕНе раскол совершенно закономерен и вполне отражает раскол во всем обществе. Во всех слоях общества есть люди, безоговорочно поддерживающие действия правительства, одобряющие «генеральную линию партии», и люди, которые этого не делают, не одобряют, не поддерживают. Называть первых «патриотами», а вторых «нац.предателями» и «пятой колонной» — эта старая советская традиция, всегда используемая властью по отношению к любой критической оппозиции, что справа, что слева. Надо ли мне оправдываться и доказывать, что только боль на наш нищающий народ, приведенную недалёковидными начальниками к экономическому краху страну, стыд за алчное и за бессовестное руководство, толкающее мир к войне,

вынуждают меня высказываться полно и определенно. Не из желания оправдаться, а исключительно ради прояснения ситуации, которая мутна и довольно гнусна.

До конца минувшего года я занимала пост вице-президента ПЕНа и входила в исполком. После встречи с международным руководством ПЕНа более года тому назад, после высказанного руководством ПЕНа недоумения по поводу инертности русского ПЕНа, с чем я вполне согласилась, я потратила некоторые усилия, чтобы привлечь в ПЕН несколько десятков молодых и активных людей из числа писателей, журналистов и издателей. Совместно с моими единомышленниками был организован ФБ и обновлен сайт ПЕН-центра. Действительно были опубликованы достаточно острые документы, в основном, на Фейсбуке, из числа тех, что уже проходили по другим источникам. Посещаемость сайта поднялась раз в сто. Я получила от исполкома упрек в том, что я ответственна за неправильную политику ПЕНа, который является организацией правозащитной, а не политической. Надо ли в сегодняшней обстановке говорить о том, что провести границу между правозащитной и политической деятельностью в наших условиях невозможно. Иначе мы превратимся в организацию по защите прав собачек и кошек. Как только было опубликовано упомянутое письмо Битова (Зачем? Я готова была с ним встретиться и немедленно остановить всю мою деятельность в рамках ПЕНа), я сняла с себя все полномочия, о чем и заявила накануне общего собрания». (Улицкая, 2015)

После того как более ста членов ПЕН-центра выступили в защиту Украинской библиотеки и подписали вместе с членами Вольного исторического общества Заявление о поддержке и солидарности с коллегами из Межрегиональной общественной организации «Правозащитный центр “Мемориал”», которых Министерство юстиции обвинило в подрыве основ конституционного строя, Исполком ПЕН-центра были предприняты (ПЕН-центр, 2015) попытки исключить из организации ряд активных членов, принятых в период вице-президенства Улицкой.

Вице-президент Русского ПЕН-центра Евгений Попов, «по поручению “товарищей из Исполкома”», написал об «оппозиции» руководству следующее:

«Некоторые члены ПЕНа, в основном из числа недавно принятых «неофитов», мало знакомых с историей нашей организации и своеобразно понимающие ее уставные задачи, снова принялись скандалить и интриговать, публично обвиняя и Президента, и Исполком, и Дирекцию во всех смертных грехах. Президент, дескать, непонятно почему является Президентом, Дирекция — непонятно что, Исполком занят неизвестно чем, с опозданием реагирует своими официальными заявлениями на важнейшие события... Заявления эти не «острые», не политизированные, КАК НУЖНО, а какие-то вялые, возможно даже что и конформистские. Им плевать было, что каждый такой ДОКУМЕНТ должен быть обоснован, выверен, не случаен, что ОФИЦИАЛЬНОЕ заявление, протест — это не общечеловеческое бла-бла-бла, а обсуждается и редактируется ВСЕМИ членами Исполкома, не публикуется, как это раньше бывало, по маню одной — единственной ВОЖДИСТСКОЙ персоны. При этом они вовсю, безо всякого на то разрешения, использовали престижные бренд, марку «Русский ПЕН-центр». Именно так назывался чат в фейсбуке созданный общественным деятелем и радиожурналистом С.

Пархоменко, который использовал его для сбора подписей уважаемых поэтов, писателей. Именно на этом чате авторы позволяли себе высказываться в адрес своих коллег площадными словами типа «мразь», «сумасшедший», «делириумный», призывать к расколу ПЕНа, демонстративному массовому выходу из него, неплатежу взносов. Убей Бог, я не могу понять, зачем все это было сделано!» (Попов, 2015).

Расхождения «отколовшихся» с ПЕНом (во главе с Евгением Поповым, прошедшим путь от активного нон-конформизма (он — участник «МетрОполя», исключенный, вернее, не принятый в СП СССР) к конформизму, — могут показаться стилистическими. Но стилистические расхождения и оттенки в политических заявлениях значат чрезвычайно много. В результате — ПЕН-Центр утрачивает свою главную правозащитную функцию. Вот заявление официального ПЕНа по поводу Олега Сенцова, украинского кинорежиссера, схваченного в Крыму и осужденного на 20 лет:

«Русский ПЕН-центр обеспокоен судьбой Олега Геннадьевича Сенцова и просит Президента Российской Федерации и российские судебные инстанции реально содействовать *смягчению условий* содержания этого кинорежиссера и писателя...». А заканчивается предложением: «Будем милосердны, *но не будем противозаконны!*»

Сергей Пархоменко в своей колонке комментирует:

«Смело, правда?»

Решительно. Правозащитно. Свободолюбиво. «...*содействовать смягчению условий содержания...*» Что может быть точнее, нужнее и своевременнее при описании случая Олега Сенцова?

Причем, как видим, смягчать должен кто-то другой, например, Всемирный Фонд дикой природы или, скажем, ЮНИСУФ, а «Президент Российской Федерации и российские судебные инстанции» должны уж как-нибудь поспособствовать. По возможности. Если будут так любезны, и если не затруднит.

А дальше руководство ПЕН-Центра подробно, аргументировано, с упоминанием некоторых статей Уголовно-исполнительного кодекса, сообщает, почему помиловать Олега Сенцова никак невозможно. Ну, это чтобы Их Высокопревосходительство себя не затрудняло поисками аргументов для отказа. И чтоб, не дай бог, не прогневалось.

Конформизм Исполкома ПЕН-Центра и его нового президента (увы, продолжавшего линию «позднего» Андрея Битова, в своем письме яростно обрушившегося на Людмилу Улицкую, сделавшую ряд громких заявлений в пору своего вице-президенства) — это как раз то, с чем не согласились писатели и журналисты, вышедшие из Русского ПЕНа. Конформизм, выраженный в том (примеры) что ПЕН не защитил писателя (Германа Садулаева от угроз Рамзана Кадырова), не боролся за свободу слова в усложняющихся обстоятельствах (типография отказывала печатать книгу журналиста и писателя Сергея Хазова-Кассия, его тюремные мемуары) — и так далее, примеров много.

Конформизм — это отказ от прямого отстаивания свободы культуры. В 90-е ПЕН занимался как раз этим (как писательская правозащитная

организация), теперь появился страх — страх быть объявленными «иностранным агентом». Так ПЕН «из правозащитной организации стал декоративной».

Возникает вопрос о «новом диссидентстве». Поскольку культурные институции, образовавшиеся еще в 90-х (или в конце 80-х), возникли (или были преобразованы) на высокой волне демократизации общества, а сейчас — постепенно, шаг за шагом — власть прибрала и прибирает к рукам остатки былой роскоши (свободы слова и культуры), то все эти институции переживают глубокий кризис. И — либо разделяются и частью переходят в оппозицию, либо полностью соглашаются на компромисс.

В результате раскола Русский ПЕН-центр покинули более ста его членов, они же организовали новое сообщество — Ассоциацию «Свободное слово».

Итак, споры о назначении и сути интеллигенции, которые она сама вела на протяжении всего "русского XX века", особенно с открывшего возможность дискуссий периода "оттепели" (1956-1968), продолжились чередой размежеваний и расколов уже в новейшее время. Эти размежевания бывших единомышленников во время "перестройки и гласности", как казалось изнутри в этот романтический период (1986-1991), должны были завершиться профессиональным разделением — на интеллектуалов-рационалистов и интеллигентов, отдающих приоритет нравственности перед "бизнесом", моральным обязательствам перед сугубо деловыми. У Александра Архангельского (2007) есть книга публицистики, написанная на два авторских голоса — интеллектуала и интеллигента.

Если это разделение и произошло (поколенчески, на мой взгляд), то интеллигенция, занятая творчеством, его проигнорировала.

Зато ее сообщество остро реагировало на каждое движение и решение власти — и раскалывалось на группы именно по отношению к общественным событиям и властным решениям. Разговор с властью а ла совсем поздний Солженицын, дающий равнодушной Думе наставления и уроки, симфония с властью, унаследованная от отца-«гимнюка», Никиты Михалкова (выразительная деталь — почти семейный визит президента к нему на дачу), задиристое оппонирование писателей (Путин в ПЕН-Центре в 1999 г.), лукавый конформизм, подчеркнутый артистичной игрой (Олег Табаков, Александр Калягин), подчеркнутая забота о творческом коллективе, как бы дающая карт-бланш на подчинение (Галина Волчек, Валерий Фокин), гражданский пафос конформиста (Евгений Евтушенко), надежда на денежные вливания в обмен на лояльность (Русский ПЕН-центр под новым нелегитимным руководством), равнодушие к властным решениям и демонстративный нонконформизм (Сергей Гандлевский, Михаил Айзенберг), дистанцированность и общественный контроль (Санкт-Петербургский ПЕН, Ассоциация «Свободное слово») — это все градации со множеством ускользающих от невключенного наблюдателя оттенков.

Творческая интеллигенция предпочитает закрывать глаза на подбострастные встречи руководителей творческих союзов с государственным начальством, одновременно пользуясь их плодами в виде грантов. (Прошли те времена, когда Солженицын демонстративно отказался от высшего ордена — Андрея Первозванного — ожалованного ему Ельциным. В последние годы он благосклонно принимал у себя

следующего президента, ему гораздо более близкого.)

И в конце напомним яркий эпизод из самых свежих, свидетельствующих о поведении, тактике и стратегии творческих организаций по отношению к власти.

В Кремле Путин принял среди прочих по очередности чиновников Александра Калягина, возглавляющего СТД (Союз театральных деятелей) и сообщил ему о новом решении – объявить 2019 год Годом Театра. Думаете, что Калягин тут же попросил смягчить участь Кирилла Серебренникова с коллегами? Ничего подобного. Он льстиво просиял лицом и задохнулся от пафоса, назвав это решение счастьем для артистов России.

Ведь прольется золотой дождь – дадут много денег!

И, подумайте, какой спрос с комического артиста?

References

Агеев, Александр. 2011. Конспект кризиса. - М., Арт-хаус медиа.

Агеев, Александр. 2018. Дневники (1989-1992) - [litteratura.org №115 апрель, http://litteratura.org/non-fiction/1395-aleksandr-ageev-dnevnik-1989-1992.html](http://litteratura.org/non-fiction/1395-aleksandr-ageev-dnevnik-1989-1992.html).

Анненский, Лев. 1999. Современная литература: Ноев ковчег? // «Знамя», №1, <http://magazines.russ.ru/znamia/1999/1/sovlit-pr.html>.

Архангельский, Александр. 2007. Базовые ценности. Инструкция для применения" - СПб, Амфора, <http://www.libfox.ru/392712-aleksandr-arhangel'skiy-bazovye-tsennosti-instruksii-po-primeneniyu.html>.

Дубин, Борис. 2017. Очерки по социологии культуры. - М., НЛО.

Гудков, Лев. 2004. Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 года. - М., НЛО.

Иванова, Наталья. 2003. Русский проект вместо русской идеи. - В кн. Наталья Иванова. Ностальгическое. - М., Радуга.

Иванова, Наталья (составитель, редактор). 2011. Либерализм: взгляд из литературы. - М., Новое издательство (проект фонда "Либеральная миссия", серия "Дискуссии").

Коллективное обращение. 2014. «Коллективное обращение к российской общественности деятелей культуры России в поддержку позиции Президента по Украине и Крыму», «Известия». 11 марта.

Немзер, Андрей. 2003. Замечательное десятилетие русской литературы. М., "Захаров".

Латынина, Алла. 2009. Комментарии: заметки о современной литературе. М., "Время".

Минкультуры. 2015. Минкультуры и СТД занялись реформированием фестиваля "Золотая маска" // «Культура», 15 июля 2015, <http://www.interfax.ru/culture/453925>.

ПЕН-центр. 2015. "Протокол №. 5 Заседания Исполкома Русского ПЕН-центра", <http://www.penrussia.org/new/2015/6091>.

Письмо писателей России. 1990. // Литературная Россия: газета, № 9, 2 марта.

Попов, Г. 1986. О романе Александра Бека "Новое назначение", Журнал "Знамя" №№ 10 - 11, <https://www.libfox.ru/44072-g-popov-s-tochki-zreniya-ekonomista-o-romane-aleksandra-beka-novoe-naznachenie.html>.

Попов, Евгений. 2015. "Не нужно врать", <http://www.penrussia.org/new/2015/6093>.

"Раскол в либералах", 2002. Конференц-зал. "Знамя", №. 1.

Тимофеев, Лев. 2014. "Утрата ПЕН-Клуба", <http://levtimofeev.ru/utrata-pen-kluba>.

Тольц, Владимир. 2006. «Преображенская революция '91»: сегодняшний взгляд участников и очевидцев, www.svoboda.org/a/261391.html.

Улицкая, Людмила. 2015. "Открытое письмо", <http://levtimofeev.ru/utrata-pen-kluba>.

Шайтанов, Игорь. 2017. Вирус радикализма в российском сознании: 1848-1917? Диагноз от Исаяи Берлина. – "Вопросы литературы" №5.